

А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

Гуманистические источники легенды об «античной» библиотеке московских государей

После исследований Н. Н. Зарубина и А. А. Амосова¹ факт существования в Москве в XVI в. богатой библиотеки можно считать установленным; многое сделано и для выявления ее состава. Под вопросом остается лишь наличие в ней рукописей произведений античных — латинских и греческих — авторов, то есть гуманистического по своему характеру и византийского по происхождению книжного собрания, о чем, по мнению многих исследователей, свидетельствует записанный в хронике Ф. Ниенштедта рассказ пастора И. Ветермана о показанных ему книгах на древних языках, извлеченных из замурованного тайника, а также анонимный перечень таких книг, обнаруженный и опубликованный Хр. Дабеловым.

Сразу же отметим, что приводимые обычно свидетельства русских источников к делу отношения не имеют. Известные высказывания Максима Грека, цитируемые, в частности, Н. Н. Зарубиным, касаются никак не произведений античных авторов, а исключительно «Толковой Псалтири», для работы с которой он, как известно, и прибыл в Москву. Да и невозможно допустить, чтобы Максим Грек, который, по его словам (в так называемом «Послании об античных мифах»), «40 лет без малого» как «отрекохся глупых басней и учений моих прародителей еллинех»,² называл «духовным брашном» и «богособранным сокровищем»³ произведения языческих писателей. Ни слова не сказано о творениях древних авторов и в «Сказаниях» о Максиме Греке, где речь идет просто о «бесчисленном множестве греческих книг», именуемых «божественными» и «душеполезными», и более конкретно — о сочинениях византийских православных отцов.⁴

Отрицательное отношение Максима Грека к «языческой прелести» достаточно хорошо известно. Использование им классического наследия убедительно раскрыто в монографии Д. М. Буланина; исследователем не обнаружено никаких свидетельств об обращении Максима Грека к хранящимся в Москве рукописям произведений античных авторов. Все античные реминисценции в его сочинениях вполне объясняются как школьным обра-

¹ Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; Подгот. к печати примеч. и доп. А. А. Амосова. Л., 1982.

² Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 41.

³ Библиотека Ивана Грозного. С. 15; Максим Грек. Сочинения. Казань, 1860. Ч. 2. С. 316.

⁴ Библиотека Ивана Грозного. С. 16; Белокуров С. А. О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 213—216.

зованием автора «Слова обличительна на еллинскую прелесть», так и приведенными им с собой и полученными уже во время пребывания в Москве печатными изданиями.⁵

Отношение Максима Грека к языческой древности и к ее возрождению в культуре итальянского гуманизма нашло убедительное выражение в его толковании издательской марки Альда Мануция — знаменитого «Дельфина на якоре». Несомненно зная о приведенном в изданных Альдом «Адагиях» Эразма Роттердамского объяснении античного изречения «Медленно поспешай», он дает этой эмблеме свое, вполне благочестивое христианское истолкование как якоря веры, удерживающего от соблазнов человеческую душу.⁶

Не существует и других, более поздних, несомненных свидетельств русских источников о рукописях античных языческих авторов в Москве XVI столетия. О московской античной сокровищнице не упоминает и Иван Федоров. Когда в Остроге собрались печатать славянскую Библию, в Москву был послан Гарабурда за списком славянского (Геннадиевского) текста Священного Писания; греческие источники библейского текста искали где угодно, от Константинополя до Крита и Венеции; использовали печатный текст венецианской Септуагинты 1518 г. — знаменитой «Альдины»; не обратились только в библиотеку московских государей, где она должна была находиться среди греческих рукописей византийского происхождения. Не упоминают об «античных» рукописях московской сокровищницы ни Иван Грозный, ни Андрей Курбский — авторы, не склонные скрывать свою эрудицию и ее источники.⁷

Между тем в первой половине XVI столетия завершается важный этап в истории гуманистической культуры — открытия, собрания и издания, в оригинале и в переводах, главнейших памятников античной письменности, а также творений западных и восточных отцов церкви. Начатая «первым гуманистом» Франческо Петраркой и продолженная несколькими поколениями гуманистов археографическая работа привела к тому, что европейская культура, опирающаяся отныне на классическое духовное наследие, располагала обширным, почти исчерпывающим сводом античных памятников: открытия последующих веков, вплоть до наших дней, расширили представление об античности, но не дали значительного количественного и резкого качественного приращения известных текстов. Почти двухвековые поиски в европейских библиотеках, археографические поездки на христианский Восток, прибытие накануне и после падения Константинополя ученых греков с их книжными собраниями — все это способствовало предоставлению в распоряжение европейских ученых обширного комплекса памятников античной словесности, философии и науки. А изобретение и активное использование книгопечатания сделало все эти богатства достоянием европейской «республики ученых» и позволило положить античную литературу в основу классического образования.

Неудивительно, что взоры европейских гуманистов, уже утративших надежду на новые открытия древних памятников письменности в доступных им пределах и в закрытых для их поисков бывших византийских владениях,

⁵ Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. С. 13—30, 53—81.

⁶ Там же. С. 198—199.

⁷ Вопреки мнению А. А. Зимина (Зимин А. А. К поискам библиотеки Московских государей // РЛ. 1960. № 3. С. 127), использование Курбским «Этики» Аристотеля (в латинском переводе), сочинений Цицерона, итальянского гуманиста XV в. Энея Сильвия Пикколомини (папы Пия II) и Эразма Роттердамского не требовало обращения к московской «либерее»: Курбский читал их в Литве, где они имелись в печатных, к тому времени весьма многочисленных и широко распространенных изданиях.

обращаются с надеждой к Москве — последней, по их представлениям, наследнице греческой культурной традиции.

Потребность в новых источниках археографических открытий была тем более настоятельной, что гуманисты остро ощущали пробелы в своих знаниях о древнем мире. Множество авторов вообще не дошло до эпохи возрождения классической древности, от других сохранились лишь случайные фрагменты, третьи были представлены далеко не полными и не всеми известными из других источников сочинениями; в произведениях, даже сравнительно хорошо сохранившихся, зияли досадные лакуны. А так как гуманисты возрождали не только языческую, но и христианскую античность, то их интерес к странам православного Востока был особенно велик.

Важным свидетельством о культурных богатствах, хранящихся в Москве, явилось сочинение итальянского гуманиста Паоло Джовио «О посольстве Великого князя Василия к папе Клименту VII», впервые опубликованное в Риме в 1525 г. и составленное в значительной мере со слов русского посла Дмитрия Герасимова (принимавшего участие в работе Максима Грека над переводом «Толковой Псалтири»). Эта книга, пусть и не всегда достоверная в сообщаемых сведениях (чему виной был и сам источник Джовио, Дмитрий Герасимов, порой забавлявший иностранцев откровенными побасенками⁸), отличалась общей доброжелательностью и добросовестностью и знакомила европейцев (поначалу гуманистически образованного читателя, на которого были рассчитаны и латинский язык, и антикизирующая манера изложения, а потом, в переводах на живые языки, и более широкую публику) с неведомой им Москвой.

Джовио сообщает о связях русского православия с греческим, о восприятии христианства от Византии, что способствовало распространению на Западе представлений о преемственности русской и византийской культур. Говорит он и о книжном изобилии в Московском государстве.

«На этот язык переведено огромное множество священных книг, главным образом усердием блаженного Иеронима и Кирилла», — сообщает Джовио, имея, вероятно, в виду версию об изобретении глаголицы Иеронимом. Вслед за этим он упоминает существующие у «москвитов» «отечественные летописи» и переведенные на славянский язык книги об Александре Великом, о римских цезарях, а также об Антонии и Клеопатре.⁹ Так впервые появляются на Западе сведения о связях русской культуры с античной литературной традицией.

Известия Джовио нашли подкрепление в другой книге о России, пожалуй, самой популярной и многократно переиздававшейся по-немецки и в латинском переводе в середине и во второй половине XVI столетия, как правило, в сопровождении трактата Паоло Джовио. «Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна знакомили западного читателя с содержанием русских летописей, закрепляли представление о тесной связи русского православия с Византией и о русско-византийских династических связях.¹⁰

⁸ Николаев С. И. Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 166.

⁹ Jovius P. Libellus de legatione Basilii magni principis Moscoviae ad Clementem VII. Roma: ex aedibus Francisci Minifii Calvi, 1525. Fol. [15] v. Ср.: Павла Иовия Новокомского Книга о посольстве Василия Великого государя Московского к папе Клименту VII // Герберштейн С. Записки о Московитских делах / Введение, перевод и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 269, 271.

¹⁰ Herberstein S. Rerum Moscovitarum commentarii. Basel: per Joannem Oporinum, 1551. P. 3—19, 26—33. Ср.: Герберштейн С. Записки о Московитских делах. С. 3—16, 40—46.

Уже через полтора-два года после появления первого издания книги П. Джовио польский гуманист, корреспондент Эразма Роттердамского Ян Лаский (в чьей библиотеке были издания Альда Мануция и книги, подаренные Эразмом¹¹), в письмах базельскому гуманисту и другу Эразма Бонифацию Амербаху сообщает о возникших у него надеждах получить из Московии греческие рукописи или копии с них. В первом письме, от 1 июля 1526 г., он говорит о книгах, которые, за дальностью расстояния, еще не видал: о «никогда еще не изданных священных авторах», то есть о рукописях не языческой, а христианской греческой традиции. Характерно и обоснование этих ожиданий: «...там ныне обретается как бы некий источник греческой религии». Об этих надеждах Ян Лаский пишет и во втором письме, от 30 марта 1527 г.: он рассчитывает получить пять копий с древних оригиналов из Москвы, «...где и поныне процветает Греция». Но и тут характерное уточнение: «...где и в наше время нерушимо пребывает соблюдение греческой веры».¹² Речь, как видим, идет не о возрождении язычества и его памятниках, а о сохранении греко-византийского православия.

Нет прямых указаний на античных авторов и в свидетельствах пастора Ветермана.¹³ Он говорит о показанных ему латинских, греческих и еврейских рукописях; последняя часть его свидетельства обходится исследователями — сторонниками версии о существовании «античной» библиотеки Ивана Грозного, так как не укладывается в их схему и в представления о русской книжной культуре второй половины XVI в. Зато она показательна для лютеранского пастора, хорошо знавшего, что Лютеров перевод Ветхого Завета сделан с еврейского оригинала, и понимавшего ценность еврейских рукописей для современной ему протестантской библеистики. Не случайно он говорит, что московские книги «принесли бы много пользы христианству», если бы оказались в «протестантских университетах».¹⁴

Подробные и точные сведения о памятниках языческой античной письменности, хранящихся в московской сокровищнице и даже частично переведенных «для царя», появляются только в списке Дабеловского Анонима.¹⁵ Именно этот список мог явиться развернутым ответом на ожидания и надежды гуманистической археографии, сообщая об открытии в Москве столь привлекательных для западной филологии произведений античной словесности. Независимо от подлинности — был ли он составлен по рассказам Ветермана в XVI в. или подделан Хр. Дабеловым в XIX столетии, он отражал представления филологов-классиков обеих эпох о возможном и желательном составе неведомого книжного собрания, включавшего как хорошо им известные памятники, так и тексты, являвшиеся предметом поисков и ожиданий. Аноним не только подтверждает факт существования у Ивана Грозного «античной» библиотеки, но и называет в своем перечне как раз те памятники, которые должны были особенно заинтересовать гуманистов.

Поколения ученых мечтали найти недостающие декады Римской истории Тита Ливия — Аноним сообщает о книгах Ливия в Москве. Наряду с

¹¹ Rokosz M. Venecka oficyna Alda Manucjusza i Polska w orbicie jej wpływow. Wrocław, 1982. S. 242—243; Каталог палеотипов из фондов Львовской научной библиотеки им В. Стефаника Академии наук Украинской ССР. Киев, 1986. С. 63, 400.

¹² Gebhardt O. v. Christian Friedrich Matthaei und seine Sammlung griechischen Handschriften // Centralblatt für Bibliothekswesen. XV. Jahrgang, 9. Heft. September 1898. S. 419—420.

¹³ Белокуров С. А. О библиотеке Московских государей... С. 247—249.

¹⁴ Там же. С. 248.

¹⁵ Там же. С. 267—270; Библиотека Ивана Грозного. С. 59—61.

общеизвестными и доступными текстами, вроде Светониевой «Истории о Цезарях» (без имени автора упомянутой еще у Джовио), неполно сохранившихся сочинений Тацита и Полибия, «Юстиновой истории» и книг по римскому праву, столь естественных в собрании преемников византийских императоров, он свидетельствует об обнаружении им в Москве неизвестных ученым филологам 8 книг «Историй» Цицерона, а также некоего загадочного сочинения Вергилия, глухо обозначенного первыми буквами «Ит.» (Ith.).

В знаменитой «Библиотеке» Конрада Геснера — главном библиографическом своде XVI столетия, охватывающем всю древнюю и новую письменность, знакомую европейскому читателю по рукописям и печатным изданиям, обозначен Кальв — как «древний поэт», чьи стихи приводят Сервий, Харизий и Геллий.¹⁶ Аноним сообщает, что видел в Москве речи и поэмы Кальва. У Плиния упомянуты и цитируются сочинения «некоего» Корда или Кодра, «Тезеиду» Кодра упоминает в начальных стихах I сатиры Ювенал: Аноним говорит о хранящихся в царской сокровищнице его «Эпиталямах». Равным образом там обнаружены Анонимом «Сатиры» Публия Сира, известные лишь по многочисленным цитатам у поздних авторов. Среди показанных ему в Москве книг Аноним называет «Географию» Гефестиона — автора, ранее известного лишь по фрагментам астрономических сочинений. Упомянутые в списке Анонима Бафий, Кедр и Гелиотроп вообще неизвестны исследователям классической древности.

Особенно любопытно упоминание в списке «Математики» Замолея (Zamoleus): здесь, как кажется, явная ошибка либо оригинала, либо копии, сделанной Дабеловым: Замолей классической филологии неизвестен, зато в нескольких источниках — в «Истории» Геродота (IV, 94—96), в «Жизнеописаниях философов» Диогена Лаэртца (I, 1 и VIII, 2) и в псевдо-Платоновом «Хармиде» (156d, 158b) — упоминается Замолксис (Zamolxis) или Салмоксис — легендарный скифский (гетский, фракийский) философ, ученик или, по другим данным, учитель Пифагора; обнаружение его математических сочинений было бы действительно сенсационным.

Перечень Анонима, если он относится к концу XVI в., принадлежал человеку, поверхностно осведомленному в классической филологии, и в несколько упрощенном виде отражал надежды и мечтания европейских гуманистов. То ли сам список, то ли слухи, ходившие вокруг рассказа пастора Ветермана (это предположение выдвигает А. А. Амосов),¹⁷ могли послужить толчком к археографической миссии Петра Аркудия, посланного в 1601 г. из Рима в свите Льва Сапегы для уточнения состава московской «античной» библиотеки. А. А. Амосов полагает, что «объяснение С. А. Белокурова, сводящего суть дела (поездки П. Аркудия в Москву. — А. Г.) к собирательской традиции Ватиканской библиотеки и общекультурным запросам пап, не представляется убедительным в наши дни».¹⁸ Думается, однако, что и «в наши дни» богатство основанного гуманистами в XV в. и продолжавшего пополняться в последующие столетия «античного» рукописного собрания Ватиканской библиотеки остается несомненным фактом, и интерес папского посланника к «античной» библиотеке в Москве должен быть признан вполне естественным. Да и письмо-отчет Петра Аркудия, грека-униата, образованного богослова, несомненно стремящегося к объединению церквей, но имевшего явно и другие поручения во время

¹⁶ Gesnerus C. Bibliotheca. Tiguri (Zürich): apud Christophorum Froschoverum, 1574. P. 117.

Амосов А. А. «Античная» библиотека Ивана Грозного: К вопросу о достоверности сохранившихся известий об иноязычном фонде библиотеки московских государей // Книжное дело в России в XVI—XIX веках: Сб. науч. трудов. Л., 1980. С. 6—31.

¹⁸ Там же. С. 29, примеч. 74.

посольства, не оставляет сомнений в археографическом характере по крайней мере части его миссии.

Его отчет о «греческой библиотеке, о которой некоторые ученые люди подозревают, что она находится в Москве», характерен именно этой ссылкой на мнение «некоторых ученых людей», очевидно, распространившееся в Европе после книги П. Джовио, писем Яна Лаского и, вероятно, устных рассказов, так или иначе связанных со свидетельством пастора Ветермана и списком Анонима.

Отрицательный результат, с которым столкнулся Аркудий, показывает, что слухи о московской «античной» библиотеке, шедшие с Запада, не только не нашли подтверждения, но и не встретили понимания в Москве. Аркудий жалуется на «хвастовство» москвичей, которые, сообщив ему о множестве греческих книг у патриарха, на вопрос, какие это книги, сказали: «...псалтыри, послания, евангелия, минеи и вообще церковные служебные книги; когда же канцлер настаивал, есть ли у великого князя действительно греческая библиотека, они определенно отрицали существование таковой».¹⁹

Жалобы Аркудия на бояр («первых сенаторов их») основаны на недопонимании. Москвичи несомненно были искренни, говоря о множестве греческих книг. Просто под «греческими» они и Аркудий понимали книги разной культурной традиции. Для русских греческая книжность, весьма ими почитаемая, — это исключительно книжность православная, прежде всего книги церковного, богослужебного обихода, для их собеседников — памятники древнегреческой, «еллинской», языческой традиции.

Впоследствии в роли папских послов оказались многие новейшие исследователи: задавая — на сей раз уже источникам — тот же вопрос об «античной» библиотеке, они не учитывали этого существеннейшего историко-культурного различия. На это обстоятельство обратил в свое время внимание С. А. Белокуров: «А святыми книгами уже никто ни в XVI, ни в XVII вв. не назвал бы ни еврейские, ни латинские, ни греческие, сохранившие произведения языческих писателей».²⁰

Античная книжность не была необходимым источником для русской культуры XVI столетия, опиравшейся не на возрождение классической древности, а на иное культурное наследие. Роль в ней античных реминисценций была фрагментарной и, главное, подчиненной, это были элементы, включенные в структуру православной духовной традиции. Античное наследие начинает играть существенную роль в развитии русской культуры значительно позднее, в ходе приобщения ее к основанной на классическом образовании культуре новоевропейской, главным образом в результате петровских преобразований.

Вот почему легенда об «античной» библиотеке московских государей не имела русских корней, никак не отражена в памятниках русской письменности; она возникла на почве западной гуманистической культуры как своеобразное выражение новой ситуации, связанной с интересом к восточной христианской державе, политической и духовной наследнице Византийской империи.

¹⁹ Белокуров С. А. О библиотеке Московских государей... С. DXX—DXXI; рус. пер. см. С. DXXI—DXXIII.

²⁰ Там же. С. 296.